

М.А. ФЕЛЬДМАН

Большая тайна советской истории (Историография Советов в годы Гражданской войны)*

В статье рассматривается современное состояние исследования истории Советов в годы Гражданской войны. Проанализированы достижения советской и постсоветской историографии, посвященные роли, составу, реальному значению столичных и провинциальных Советов в 1918–1920 гг. Предложен новый подход к изучению истории Советов.

Ключевые слова: гражданская война, Советы, рабочие, Россия, Петроград, Москва, Урал.

In article the current state of research of history of Councils in the years of Civil war is considered. The achievements of the Soviet and Post-Soviet historiography devoted to a role, structure, real value of capital and provincial Councils in 1918–1920 are analysed. New approach to studying of history of Councils is offered.

Keywords: civil war, Councils, workers, Russia, Petrograd, Moscow, the Urals.

Наличие обширной литературы, посвященной истории Советов в годы Гражданской войны в России, и сегодня воспринимается, *a priori*, как непреложный факт. В самом деле, ведь речь идет о становлении органов власти, давших название государству, армии, исторической эпохе. Каково же было удивление современных историков, обратившихся к изучению указанной проблемы и обнаруживших как раз обратное явление. Если не принимать во внимание далекие от науки, высокоидеологизированные публикации историко-партийного характера, то окажется, что литература о деятельности ведущих Советов России – Петроградского и Московского – в период Гражданской войны, опубликованная в советское время, весьма скудна [Алещенко, 1976; Глаголевский, 1982; Потехин, 1966; 1980]. Немного и обобщающих трудов по Советам РСФСР [Гимпельсон, 1968]. Еще меньше работ, опубликованных после 1991 г. и посвятивших указанной тематике хотя бы отдельные разделы [Петроград... 2000].

Историография столичных Советов: идеал пролетаризации

Конечно, степень изученности темы определяется не количеством монографий и статей, и приведенные выше книги вполне могли бы дать достаточно глубокий анализ деятельности Советов за довольно короткий исторический период. Однако здесь-то и заложен наиболее очевидный “сюрприз” для современных исследователей. Основное внимание советских историков было приковано к процессу *окончательной большевизации Советов*, вытеснения из органов власти всего небольшевистского. Критериями эффективности процесса становления советской власти выступали не *конкретные дела Советов*, а показатели удельного веса большевиков среди депутатов Советов, целью же

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда – Урал (проект № 11-11-66-01a (У)).

Фельдман Михаил Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург).

ее деятельности – безграничное доминирование правящей партии. Так, Н. Алешенко, отметив, что уже в апреле 1918 г. в Московском совете большевики и сочувствующие им располагали 58% депутатских мест, тем не менее, указывал на наличие в Моссовете 104 меньшевиков и 96 эсеров (в сумме составлявших 22% депутатского корпуса) как на явление, чуждое “пролетарской демократии” [Алешенко, 1976, с. 83].

В такой ситуации закономерным и обоснованным изображалось обращение Московского комитета (МК) РКП(б) 13 июля 1918 г. к рабочим столицы с призывом “очистить” органы Советской власти от эсеров и меньшевиков. “Гоните вон, – призывал МК РКП(б) – этих соглашателей, этих сознательных и невольных агентов империализма”. 20 июля состоялись перевыборы президиума Московского совета. В его составе оказались только большевики. “Это дало возможность МК через свою фракцию в Совете быстрее и полнее проводить в жизнь решения партии большевиков” [Алешенко, 1976, с. 88].

Аналогичные шаги предпринимали большевики Петрограда. Наказы Петроградского комитета (ПК) РКП(б) Петроградскому совету на протяжении 1918 г. в основном были направлены на вытеснение меньшевиков и эсеров из Советов всех уровней северной столицы. А. Глаголевский в монографии “Петроградский Совет в годы гражданской войны” (1982 г.) констатировал, что, например, наказ ПК РКП(б) в июне 1918 г. состоял из шести пунктов и четыре из них были направлены против мелкобуржуазных партий. Только в декабре 1918 г., когда большевики и сочувствующие им располагали уже полным превосходством в 95% депутатских мест, лишь один из пяти пунктов наказа был направлен против мелкобуржуазных партий. Однако дух непримиримой классовой борьбы продолжал определять жизнь большевистской партии и ее уже прирученного детища – Советов: в 1919–1920 гг. в наказах ПК РКП(б) Петроградскому совету преобладали требования, посвященные на сей раз военно-политическим проблемам [Глаголевский, 1982, с. 28–30].

Установление большевистского господства в Советах бездоказательно рассматривалось советскими историками и как предпосылка демократичности новых органов власти, и как условие рационального хозяйствования. Следует заметить и то, что исследование процесса большевизации Советов задало целенаправленный и единственно возможный в тех условиях вектор исторических исследований: изучение деятельности большевистской партии *через* Советы в рамках установления ее безусловного господства во всех сферах жизни.

При этом как малозначимый факт историки фиксировали характерные черты депутатского корпуса Советов: преобладание лиц с *начальным образованием и ниже* (например, 76% в Петроградском совете в декабре 1918 г.); *отсутствии жизненного опыта* у молодежи до 30 лет, составлявшей большинство в том же Совете, и *политической практики*: стаж пребывания в правящей партии у 71% депутатов – большевиков Петроградского совета в декабре 1918 г. исчислялся несколькими месяцами [Потехин, 1966, с. 71–73]. Столь однозначные квалификационные признаки депутатского корпуса Советов даже в “просвещенной северной столице” говорили о невысоком кадровом потенциале аппарата новой власти.

Еще одним бесспорным критерием успешности установления пролетарской демократии в советское время считался рост рабочей прослойки среди депутатов Советов. Но здесь-то и начинались проблемы для обеспечения историками соответствия их трудов марксистско-ленинским идеологическим стандартам: малограмотность и неграмотность большинства представителей промышленного пролетариата в России, неоднозначность их социальных характеристик, выражавшаяся в тесных связях с деревней, с мещанскими слоями города, или с переходом из рабочих профессий в государственный, партийный и военный аппарат после революции – все это затрудняло попытки представить состав депутатов как правильный, выверенный по марксистским лекалам. Словом, идеал “передового класса” и реальный облик рабочих России совпадали плохо.

Особенно много проблем возникало с описанием процесса пролетаризации провинциальных губернских Советов, а также съездов Советов. В таком случае в действие вступала столь частая в советской исторической науке *фигура умолчания*. Рабочие составляли самую многочисленную часть делегатов Всероссийских съездов Советов, – сообщала “История Советского рабочего класса”, не раскрывая – о каких рабочих, промышленных или иных, идет речь [История... 1984, с. 159]. Однако и самая многочисленная пролетарская часть делегатов съездов все-таки оставалась *меньшинством*. На III (январь 1918 г.) и на IV (март 1918 г.) Всероссийских съездах Советов рабочих среди делегатов съездов было 39,6%. Близким к этому была и доля рабочих в составе депутатов губернских Советов России: 29,7% в 1919 г. и 36% в 1920 г. С этим показателем корреспондируют и данные переписи ответственных работников в 31 губернии РСФСР (1921 г.), выявившие среди 11 070 управленцев 35% рабочих [История... 1984, с. 159; Гимпельсон, 1982, с. 92].

В Советах 30 крупных губернских городов удельный вес депутатов-рабочих к 1920 г. составлял в среднем 33% [Глаголевский, 1982, с. 65]. Однако при этом не уточнялось, о каких категориях рабочих идет речь: упомянуты ли рабочие заводов и фабрик, каких профессий, или речь идет о рабочих, влившихся в государственный аппарат (вне указания на достоверность сведений). Для Урала весьма показателен пример Перми – крупного промышленного центра, где в 1920 г. рабочие составляли 37% от общего числа депутатов городского Совета [Гимпельсон, 1982, с. 153].

Вместо таблиц, рисующих уверенный рост доли рабочих в составе Советов, указанные монографии приводят только отдельные факты, относящиеся к проблеме “пролетаризации Советов”. Но и из них выстраивается вполне определенная, весьма своеобразная картина, не совпадающая с официально принятой.

Во-первых, если говорить о Советах, то на протяжении 1918–1920 гг. заметна тенденция к *сокращению* непосредственно рабочего представительства (рабочих по роду занятий) в депутатском корпусе. Так, среди депутатов Петроградского совета третьего и четвертого созывов (1919 г.) рабочих с фабрик и заводов насчитывалось 21–22%. Примерно такую же социальную группу представляли рабочие, выдвинутые на партийную и хозяйственную работу. Со второй половины 1919 г. основную массу членов Советов по роду занятий составляли партийные, советские, хозяйственные и военные работники. К 1921 г. на долю рабочих по роду занятий (“от станка”) приходилось только 10,9% депутатов даже в Петроградском совете [Глаголевский, 1982, с. 65, 187].

Во-вторых, принципиальную важность представляет ответ на вопрос: какие же категории рабочих наиболее активно участвовали в работе Советов. Статистические таблицы, относящиеся к профессиональному составу депутатов Петроградского совета четвертого (июль – декабрь 1919 г.) и пятого (январь – июль 1920 г.) созывов, дают примечательную картину: среди рабочих по социальному происхождению преобладали *пролетарии вспомогательных профессий (слесари) и чернорабочие*. Например, на долю этих двух названных профессиональных групп приходилось четверть всех депутатов и примерно половина рабочих-депутатов пятого созыва Петроградского совета [Глаголевский, 1982, с. 185–186, 189–190]. Вчерашние слесари и чернорабочие оказались ведущей социальной группой и среди управленческой элиты Петрограда первой половины 1920 г. – 135 из 598 человек [Глаголевский, 1982, с. 189]. Приведенные данные в корне противоречат незыблемому тезису историографии советской эпохи о том, что основу рабочего ядра правящей партии и советского аппарата составляли рабочие ведущих профессий [История... 1984, с. 159].

В-третьих, приведенные показатели важны еще и потому, что современные исследователи выявили картину поразительно быстрого отчуждения рабочих-выдвиженцев от пролетариев, оставшихся у станка. Уже в наши дни А. Филоненко, ссылаясь на документы мая 1918 г., обратил внимание, за сколь короткий срок рабочие, введенные в состав хозяйственных органов, превращаются в “*особую категорию технически-распорядительной аристократии*” (курсив мой. – М.Ф.), отрываясь от интересов рабочих данного предприятия [Филоненко, 2000, с. 66]. Как отмечает Д. Чураков, сам

факт превращения традиционно пролетарских организаций в низовое звено нового государства означал возможность и неизбежность поражения их всеми болезнями, присущими государству как особому общественному институту [Чураков, 2004, с. 163] (добавлю – вызревшему в конкретно-исторических условиях и социальных слоях).

Этот же автор аргументированно указал как на резко негативную позицию большинства Советов по отношению к любым формам рабочего протеста в годы Гражданской войны, так и на ответную реакцию рабочих: кампания перевыборов Советов, проходившая весной 1918 г., практически повсеместно привела к ослаблению в них позиций большевиков. Так случилось в Туле, Сормове, Орле, Тамбове, Ярославле, Ижевске и других городах и рабочих поселках. Ответ большевистского руководства, добивающегося тотального контроля за всеми социальными группами, был по-своему логичен: в таких случаях Советы рабочих депутатов как самостоятельные организации повсеместно ликвидировались и, по примеру Петрограда, объединялись с Советами красноармейских депутатов [Чураков, 2004, с. 164, 173].

Кроме того, большевистское руководство уже в первый год пролетарской диктатуры имело возможность не раз убедиться в иллюзорности марксистской догмы о возможностях “самого передового класса эпохи” и сделало из этого соответствующие выводы. Когда, например, в июне 1918 г. рабочие Обуховского завода выразили несогласие с социальной политикой Советского государства, Петроградский совет без колебаний принял решение о временном закрытии завода с 25 июня 1918 г. [Потехин, 1980, с. 28]. Одновременно прекратили свое существование его заводской и цеховые комитеты [Чураков, 2004, с. 167].

Показательна статья председателя Президиума ВСНХ в декабре 1917 г.–марте 1918 г. В. Оболенского (Н. Осинского) об эволюции отношения большевистской элиты к российскому пролетариату, опубликованная в газете “Коммунист” за 20 апреля 1918 г. В ней утверждалось, что “рабочие не выдержали экзамена на общественную зрелость... не сумели наладить производство, не сумели соединить освобождение от палки капиталиста с повышением производительности труда”. По мнению Оболенского, следовало “*отставить их от руководства производством и перевести на систему Тейлора*” (курсив мой. – М.Ф.). “Надо сверху натягивать вожжи и снизу побуждать рабочих подчиняться этим вожжам. Все это не опасно: у власти рабочий класс...” (цит. по [Филоненко, 2000, с. 61]).

Как представляется, перед нами яркое доказательство политического прозрения советского руководства по поводу ложности важнейшего марксистского постулата о сущности класса-гегемона. Рабочий класс оказался “не тем классом”! Замечу, что эти слова произнес один из наиболее искренних в проявлениях чувств и пронизательных большевиков, активно сотрудничавший с руководством фабрично-заводских комитетов.

О подлинном отношении большевиков к рабочим говорит и факт изменения состава Советов. Норма выдвижения одного депутата от рабочих в Петроградский совет с ноября 1918 г. и до конца 1920 г. в 2–2,5 раза превышала аналогичную норму от красноармейцев и матросов. Но армия, сыгравшая решающую роль в Октябрьском перевороте, все в большей мере рассматривалась ленинцами как наиболее управляемая и послушная общественная сила. Поэтому постепенно ее представительство в Советах нарастало. Характерно, что если на представителей армии, флота и военных учреждений в июле–декабре 1919 г. приходилось 17% депутатов Петроградского совета, то в июле 1920–июле 1921 г. – уже 30,4% [Глаголевский, 1982, с. 16, 187, 191].

Достоинство и демократичность “Первого Совета пролетарской диктатуры” виделись советским историкам в том, что основную массу депутатов составляли люди физического труда [Потехин, 1966, с. 72]. Однако с учетом того, что промышленные рабочие составляли незначительную часть населения и меньшинство депутатов Советов в 1918–1920 гг., очевидно, что главную массу рабочих депутатов представляли пролетарско-маргинальные слои.

Еще более важным, чем количественный показатель доли рабочих в составе органов власти, выступает другой критерий: *результаты экономической и социальной деятельности Советов*. В советской исторической литературе, посвященной Советам, зафиксированы весьма примечательные сведения, свидетельствующие о подлинных первых “достижениях” пролетарской власти в экономической сфере. Например, в монографии М. Потехина приводится такой факт: в Петрограде *за первые три месяца* 1918 г. из 772 обследованных предприятий 231 были закрыты, а число рабочих сократилось с 351 010 до 148 728 [Потехин, 1980, с. 26]. Очевидно, что Советское государство провело сокращение численности промышленных рабочих “города революции” куда более решительно и безжалостно, чем его предшественники.

Характерно, что наибольшее сокращение в рядах рабочих промышленности Петрограда в январе–августе 1918 г. произошло среди рабочих ведущих металлообрабатывающих предприятий: в целом, из 111 тыс. осталось только 22 тыс. рабочих [Потехин, 1980, с. 35]. Как видно, сокращение в *пять раз* (!) коснулось той отрасли и тех предприятий, представители которых традиционно рассматривались в советской историографии, как ядро промышленного пролетариата, наиболее надежная опора большевистской партии. Действительно, это была социальная группа, пусть и частично, но поддержавшая Октябрьский переворот. Судьба уволенных рабочих была незавидной: им выдавалось месячное пособие, равное получаемой зарплате. Однако временные пособия *не могли обеспечить* рабочих материально [Потехин, 1980, с. 35–36]. Замечу, что только меньшая часть массива сокращенных рабочих приходилась на пролетариев эвакуированных заводов Петрограда. Причинами же срыва планов эвакуации промышленных предприятий Д. Коваленко называет катастрофическое положение дел на транспорте, недостаток рабочих, низкую производительность труда на погрузочных работах, саботаж технического персонала [Коваленко, 1970, с. 132–133, 130].

Чем же объяснялось подобное деклассирование рабочих промышленности Петрограда? В косвенной форме советские историки указывали на *отсутствие обоснованных программ конверсии*. Как писал Потехин, 20 декабря 1917 г. Петроградский совет принял решение на месяц закрыть все предприятия, переводимые на производство мирной продукции. “Правда, для многих заводов этот срок оказался намного большим” [Потехин, 1980, с. 34].

Однако советская историческая наука редко возлагала вину за неверные действия на Петроградский совет. Скорее, она была склонна к обнаружению происков “предателей”. “Демобилизация военной промышленности, сыгравшая огромную роль в социально-экономических преобразованиях страны, имела в Петрограде и ряд отрицательных последствий, – признает тот же автор. – Но они были связаны не самой идеей демобилизации фабрик и заводов, а с ее практическим проведением в жизнь и зависели, прежде всего, от отдельных петроградских руководителей”. Далее шли фамилии Г. Зиновьева и его соратников [Потехин, 1980, с. 39–40].

Между тем оценки фактически стихийной демобилизации предприятий промышленности, совпавшей по времени и степени неподготовленности с форсированной национализацией, прозвучали уже в 1918 г. В декабре 1918 г., выступая на Втором Всероссийском съезде Советов народного хозяйства (СНХ), нарком промышленности и торговли Л. Красин признал: “демобилизация велась без всякого плана” [Венедиктов, 1957, с. 116].

Возражая Красину, известный советский специалист по данной проблеме А. Венедиктов не смог привести никаких аргументов, кроме указания на “*стремление к планомерному проведению демобилизации, которое проявляли конференции фабзавкомов и профсоюзов под непосредственным руководством партийных организаций*” [Венедиктов, 1957, с. 117]. К сожалению, самые благородные стремления не гарантируют их реализации. Для современников событий, например для делегатов Первого Всероссийского съезда совнархозов (25 мая–4 июня 1918 г.), очевидным было, что демобилизация в первом полугодии 1918 г. грозила российской промышленности “окончательным развалом” [Труды... 1918, с. 367].

Резюмируя выступления делегатов Первого Всероссийского съезда СНХ, член ВСНХ В. Ногин подчеркнул: положение рабочего класса за последнее время в России серьезно ухудшилось. “Этот вывод нам необходимо запомнить и надо совершенно определенно и ясно сказать, что это ухудшение произошло за последнее время, то есть тогда, когда политическая власть была в руках рабочих” (курсив мой. – М.Ф.) [Труды... 1918, с. 383].

В литературе советского периода в качестве противовеса такому выводу обычно выдвигалось положение о разработке обширных планов реконструкции промышленности [Абрамовский, 1997, с. 4–5]. Однако и в те годы находились историки, реалистически смотревшие на вещи. Анализируя наказ первой Уральской областной конференции фабзавкомов, указавшей на необходимость выработки общего обязательного для всех плана демобилизации уральской промышленности, согласованного с всероссийским общегосударственным планом, Венедиктов в работе 1957 г. подчеркивал: разработка общего плана демобилизации промышленности во всероссийском масштабе или даже в масштабе отдельных районов была *неосуществимой* [Венедиктов, 1957, с. 116].

По обоснованному замечанию советского исследователя промышленности Урала В. Голубцова, к концу марта 1918 г. производство вооружения прекратилось почти на всех заводах региона; на этой стадии демобилизация ограничилась закрытием цехов, выпускавших до того военную продукцию [Голубцов, 1975, с. 50]. А современные историки отмечают: в первом полугодии 1918 г. дело обычно сводилось к консервации цехов, либо к полукустарному производству сельскохозяйственных орудий простейшего назначения [Абрамовский, Буданов, 2008, с. 186–193]. Редкий случай совпадения взглядов советских и постсоветских историков по столь важной и идеологизированной в недавнем прошлом проблеме объясняется, пожалуй, невозможностью привести доказательства в пользу успешного хода демилитаризации. Отмечу и то, что и в советскую эпоху трудно было замолчать протест рабочих (например, Усть-Катавского завода) против неподготовленной национализации [Гараев, 1984, с. 49].

Упоминание о начале тотальной национализации промышленных и торговых предприятий в советской литературе рассматривалось вне связи с ее социальными последствиями. Так, в одной и той же монографии Потехина можно было найти сообщения о национализации крупной промышленности Петрограда после декрета СНК от 28 июня 1918 г. о запрете в период июля–августа 1918 г. сначала частной оптовой, а затем и розничной торговли, и о закрытии частных предприятий, производящих продукты питания (!), а в другом – вне какой-либо причинно-следственной связи с фактом установления военно-коммунистических отношений – констатацию введения с 1 июля 1918 г. в северной столице классового пайка, поражающего своими низкими, голодными нормами: от полуфунта хлеба в день рабочим и четверти фунта – служащим до еще более крохотных выдач остальному населению [Потехин, 1980, с. 26, 66–67].

В то же время верхний управленческий слой жил и питался по совершенно другим стандартам и нормам, вне зависимости от социального происхождения ответственного работника. В реальности, материальное обеспечение в форме особых пайков, закрытого снабжения, неограниченного доступа к продовольственным ресурсам и распределению жилья превращало узкую группу лиц высшего эшелона (примерно 600 обитателей Смольного) в оторванную от обыденной жизни трудящихся, замкнутую бюрократическую элиту [Петроград... 2000, 47–54]. В такой ситуации, чем дальше шел процесс бюрократизации Советского государства, тем шире становился разрыв между ним и его официально провозглашенной социальной базой – рабочим классом [Чураков, 2004, с. 164], между рабочими-партияцами, вошедшими в аппарат Советов, и пролетариями заводов.

Подведу итог: публикации 1920-х–1980-х гг., посвященные истории столичных Советов в годы Гражданской войны, представляли собой преимущественно немногочисленные исследования фактически по все той же “историко-партийной тематике”, воспевающей большевизацию жизни общества, и содержащих только отдельные, хотя и примечательные факты, касающиеся непосредственно работы Советов.

Историография Советов в провинции: ущербность концепции

Но может быть, историография Советов в провинции в годы Гражданской войны принципиально отличалась от работ питерских и московских историков? Вышедшая в Свердловске в 1988 г. монография А. Тертышного “Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1918 г.)” в определенной степени подводила итог исследованию истории Советов в крупном промышленном регионе – уральском – за 70 лет советской эпохи и может выступать в качестве образца того рубежа, к которому подошла советская историческая наука, изучающая историю провинциальных Советов в годы Гражданской войны.

Разные книги – от новаторских до консервативных – появлялись в СССР на третьем году перестройки. Книга Тертышного, скорее, относилась к последним. Автор повторял привычные штампы, прочно вошедшие в историческую литературу, типа того, что “на Урале наиболее интенсивно шел процесс установления Советской власти, осуществлялись социалистические преобразования в экономике”. Без доказательств утверждалось, что “на Урале везде, за исключением южных районов, власть Советов утвердилась мирным путем” [Тертышный, 1988, с. 5, 50].

“Знакомство с литературой” приводило автора к следующему выводу: “...присутствие многочисленных, боеспособных отрядов Красной гвардии парализовало действия контрреволюционных сил, создавало благоприятные условия для большевизации Советов и взятии ими власти” [Тертышный, 1988, с. 56]. Замечу, что как раз знакомство с литературой советского периода и статистикой численности и вооружения красногвардейских отрядов в России и на Урале меньше всего подтверждает тезис о многочисленности и боеспособности указанных подразделений [Цыпкин, Цыпкина, 1977, с. 110, 114] точно так же, как и положение об “ограниченности вооруженных действий только южными районами Урала” [Лисовский, 1967, с. 36–37, 456, 469; Цыпкин, Цыпкина, 1977, с. 110, 254].

Анализ событий вооруженной борьбы на Урале осенью 1917 г., описанных, например, в книге Н. Лисовского [Лисовский, 1967], подводил к выводу о максимальном сопротивлении большевикам в небольших мещанско-купеческих городах (Чердынь, Ирбит, Елабуга). В городах с широким представительством торгово-промышленных слоев населения (Вятка, Челябинск) переход власти к большевикам, сопровождавшийся насильственными действиями, арестами политических противников и неоднократной сменой местной администрации в течение ноября 1917 г., был завершен под давлением прибывших в регион *извне* отрядов Красной гвардии, солдат и матросов. Так, захват власти в Вятке стал возможным только после направления Петроградским Военно-революционным комитетом (ВРК) на Западный Урал 17-го Сибирского стрелкового полка и отряда моряков-балтийцев. В дальнейшем это ударное соединение было отправлено для захвата городов Южного Урала [Цыпкин, Цыпкина, 1977, с. 254]. В этой связи беспочвенным выглядит утверждение о том, что “если на Урале победа революции и была не мгновенной, то это объяснялось исключительно большей разбросанностью, отдаленностью от центров многих населенных пунктов, ограниченностью транспортных сообщений и средств связи, а кое-где и отсутствием их” [Тертышный, 1988, с. 63].

Однако было бы неправильно обвинять историка советской поры в верности марксистским догмам, тем паче, что в 1990-е гг. он нашел в себе силы пересмотреть свои взгляды [Васьковский, Тертышный, 1995]. Книга Тертышного примечательна отнюдь не этим: обзор литературы открывал *поразительную бедность* научных публикаций по указанной теме, непреднамеренно вскрывая отсутствие специальных монографических исследований как общего характера, так и по определенным направлениям истории Урала 1918–1920 гг.; аналитических статей, посвященных научному разбору конкретной деятельности (а не только указанию на виды работы) Советов. Но и там, где автор касался общероссийской проблематики, сослаться ему было не на что, кроме одной монографии Е. Гимпельсона “Советы в годы интервенции и гражданской

войны” [Тертышный, 1988, с. 225]. Да и названная монография ограничивалась сведениями об удельном весе рабочих в Советах разных уровней, рассматривая последний показатель как беспорное доказательство утверждения диктатуры пролетариата.

Поражала и неизученность обобщенного социального портрета не только работников аппарата Советов, но и председателей губернских Советов, не говоря уже о нижних уровнях советской системы. Книга Тертышного об историографии Советов Урала подталкивала к парадоксальному заключению... об отсутствии таковой историографии (если говорить о научно-разработанной проблематике). Как известно, такая ситуация складывается не там, где нечего писать, а в совершенно иной ситуации: когда есть *что скрывать*.

В монографии Тертышного прослеживались любопытные положения об *однотипности ревкомов и советов*; а также об основополагающей роли партийных комитетов и партийно-политического аппарата армии в создании ревкомов [Тертышный, 1988, с. 146–147]. Подобные суждения, опирающиеся на целый ряд публикаций, не получили в книге уральского историка аналитического развития. Между тем автор непроизвольно подводил читателя к вполне определенному выводу: *однотипные* органы, созданные и управляемые правящей партией, действительно являлись элементами военно-политической диктатуры, не имеющей ничего общего с демократией.

Несколько иначе эту мысль выразили петербургские историки в 2000 г., отметившие, что ВРК в первый месяц после восстания по сути дела олицетворял ту власть Советов, о которой говорили большевики, заменяя и Петроградский совет, и во многом центральную городскую Думу [Петроград... 2000, с. 11]. В этом заключался подлинный подход большевиков к содержанию и сущности Советов, возникших как демократические органы общественного самоуправления: осуществить “диктатуру пролетариата” была способна только *структура военного образца*. Если деятельность ревкомов носила временный характер, то практика дирижирования Советами со стороны партийных комитетов прочно вошла в жизнь советского общества.

Следует отметить и еще одну причину создания ревкомов, глухо, без развития, но тем не менее, прозвучавшую в советской литературе. В отчете НКВД за первое полугодие 1918 г. указывалось: в первый период революции вся советская Россия практически рассыпалась на целый ряд как бы независимых друг от друга, губернских, уездных и даже волостных советских республик со своими совнарками. Отдельные местные Советы в ряде случаев не подчинялись распоряжениям вышестоящих органов или выполняли только те постановления, которые им были выгодны [Гимпельсон, 1958, с. 67]. В такой ситуации ревкомы, заменяя Советы, становились более послушными орудиями управления.

Монография Тертышного демонстрировала не только объективную скудность источниковой базы исследования, но и *ущербность выбора ленинской концепции Советов в качестве методологии исследования*. Во-первых, такой выбор подменял приоритеты изучения проблемы: на первый план в качестве объекта исследования выступал анализ деятельности большевистской партии в Советах, раскрытие ее руководящей роли в “органах диктатуры пролетариата”, форм партийного контроля за функционированием советской государственности [Тертышный, 1988, с. 19], а не изучение конкретной работы Советов.

Во-вторых, поскольку, согласно ленинскому учению, партия определяла формы и содержание деятельности Советов, намечала задачи, указывала пути и средства их решения, постольку история советского строительства сводилась к описанию выполнения партийных директив, проверок партийными комитетами фактического исполнения установок партии. В-третьих, ленинское понимание Советов как *политической формы диктатуры пролетариата* закономерно превращало формально выборные органы в антидемократические институты. Не случайно Тертышный обоснованно отмечал: “...заявление Советов о взятии власти и превращение их в фактические органы диктатуры пролетариата, как правило, разделял известный промежуток времени” [Тертышный, 1988, с. 13, 61]. В переводе на научный язык постсоветского времени это

означает следующее: сами по себе Советы рассматривались большевиками в качестве органов пролетарской власти только после установления в них *безраздельного господства* одной партии.

Наконец, и об этом пишет Тертышный, сама историография проблемы превращалась во все “более основательное, чем в предшествующей литературе”, рассмотрение ленинских идей о Советах [Тертышный, 1988, с. 23]. Очевидно, что подобный путь, чем дальше, тем основательнее превращал историю Советов в схоластичное и догматичное *подобие* науки. Собственно говоря, в этом заключались закономерность и трагизм развития не только указанной области исторического знания, но и всей советской исторической науки. По большому счету, научная “слепота” ученых, общества и стала одной из причин крушения СССР [Медушевский, 2011, с. 3–30], и известные слова Ю. Андропова (1983 г.): “мы не знаем общества, в котором живем” [Юрий...], стали запоздалым и хотя бы косвенным признанием сомнений в соответствии ленинской методологии реальной жизни.

Очевидно, что и монографии, посвященные деятельности столичных Советов, и работа, посвященная анализу провинциальных Советов, не просто оказались в плену марксистских догм и штампов. Речь идет о куда более глубоком явлении. Тщетными оказались самые изощренные попытки представить антидемократические органы власти демократическими. Архаичность методологии – рассмотрение истории сквозь призму классовой борьбы, абсолютизация классовых подходов – не только порождала опорный (но бездоказательный) тезис советских историков о природной исключительности и прогрессивности рабочих, готовых к управлению любыми государственными структурами, включая Советы. Она же – методология – до предела сузила инструментарий исследований, сведенный фактически к исчислению доли рабочих в Советах. Анализ реальных результатов работы Советов в социальной, экономической, культурных сферах, воссоздание – на основе изучения биографий руководителей Советов – социального портрета и менталитета советских работников оказались вне поля зрения историков и Урала, и СССР в целом.

Не потому, что зрение наших предшественников не отличалось наблюдательностью. Достаточно было, например, прочитать в биографии 12 руководителей Уральского областного Совета [Плотников, 2007], избранных на Третьем областном съезде Советов (январь 1918 г.), чтобы обнаружить: среди советских лидеров Урала из семьи рабочего – только один человек. На рабочих местах (по несколько месяцев) довелось трудиться всего двоим. Не образование – начальная школа или училище – определяли мировоззрение этих людей, большинству из которых в 1918 г. было от 22 до 30 лет, а долгие годы (как правило, с 1905 г.) профессиональной “боевой” работы в революционном подполье. Их деятельность диктовали не нужды местного населения, а директивы Уральского областного комитета РКП(б), членами которого были 9 из 12 (!) уральских “наркомов”. Из этих 12 – трое не доживут до репрессий 1930-х гг. И только один из доживших до сталинской мясорубки избежит смерти. Воистину: в царстве идеологии наука вторична. Мифологизировать рабочий класс в целом оказывается легче, чем конкретных людей.

Отмечу и другое. В годы Гражданской войны состав Уральского бюро ЦК РКП(б), манипулировавшего Советами, часто пополнялся работниками центральных органов (Г. Ломов, Г. Пятаков, С. Новоселов, О. Бумажный), но ни одного рабочего по происхождению или роду занятий среди них не было. Исключением из этого правила можно считать судьбу работника политотдела Пятой армии Т. Кривога, ставшего в 1920–1922 гг. секретарем Уральского бюро ЦК РКП(б). Но очевидно, что не несколько недель работы слесарем железнодорожных мастерских в Уфе весной 1917 г. заложили основу его мировоззрения, а годы руководства отрядами боевиков в Уфе и Златоусте в 1905–1907 гг., тюрьма и шесть лет жизни на каторге [Плотников, 2007].

Я не хочу бросить тень на вышеназванных политических деятелей обвинением в отчужденности от рабочих. Насколько мне известно, это были революционеры, с ранних лет искренне боровшиеся за социалистические идеалы. Но в их мировоззрении

фигурировал вымышленный “по Марксу” “идеальный” рабочий класс, далекий от образов реальных жителей горнозаводских поселков Урала, их проблем и устремлений. В расхождении жизненных и мифологических ценностей – зародыш трагического финиша советской истории.

Постсоветская историография Советов

Приходится признать, что постсоветская историография исследуемой темы во многом ориентируется на труды зарубежных историков [Новикова, 2005, с. 142–144]. Если говорить об отечественных историках, то дальше рубежа 1992 г. – высказываний Г. Бордюгова и В. Козлова о сущности Советов в годы Гражданской войны – современные работы, основанные на региональных исследованиях, не продвинулись. Отталкиваясь от документов Восьмого Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920 г.), Бордюгов и Козлов отметили, что советская система была не просто поражена болезнями бюрократизма, но “фактически не функционировала как система широкой организации масс”, превратившись в сугубо бюрократическую, аппаратную структуру, в которой главную роль играли партийные руководители. По мнению авторов, причины заключались в верховенстве центральных органов власти над местными и социокультурных “изъянах” местных лидеров [Бордюгов, Козлов, 1992, с. 197–198].

В фундаментальном исследовании П. Холквиста (“Вести войну, ковать революцию: континуум кризиса в России. 1914–1921”) функционирование советской системы связывается с практиками мобилизации периода Первой мировой войны и получившим развитие в условиях Гражданской войны. Органы советской власти, как и царское правительство, соединяли политику тотальной мобилизации и массовой пропаганды [Holquist, 2002, с. 141–239].

В отличие от предателей ревизионистской историографии Холквист говорит о преемственности методов управления дореволюционного и постреволюционного периодов, в частности функций политической полиции и ВЧК по сбору информации о настроениях населения. Еще в годы Первой мировой войны возникли те “гибридные” военно-политические структуры, которые в ином облике возродились в период Гражданской войны [Holquist, 2002, с. 238–239]. Холквист обоснованно отмечает, что в первой половине 1918 г. проявилась лояльность большинства населения к Советам как институту, в большей степени, чем по отношению к любой конкретной политической партии [Holquist, 2002, с. 141–152]. Современные исследования позволяют сузить это временное пространство до конца мая 1918 г.

Акцентируя внимание на монографии Холквиста как наиболее основательной зарубежной публикации, посвященной изучению истории Советов в годы Гражданской войны, отмечу и перспективность социокультурного подхода к анализу в рамках этого исторического периода. Материалы отечественных исследований в целом подтверждают вывод Холквиста, в том числе применительно к политическим настроениям и взглядам рабочих, их отношению к советской власти. В то же время нюансы отношений властных структур и рабочих, их специфические социальные, профессиональные, территориальные вариации могут быть выявлены только на основании региональных и локальных исследований. Демифологизация истории Советов, если говорить о научных разработках, делает только первые шаги. И дальнейшие исследования в этой сфере позволят более точно судить о советском обществе в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамовский А.П. Первая областная конференция фабрично-заводских комитетов Урала (Екатеринбург, 1–5 декабря 1917 г.) // Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX вв. Челябинск, 1997.

Абрамовский А.П., Буданов А.В. Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. Челябинск, 2008.

Алещенко Н.М. Московский Совет в 1917–1941 гг. М., 1976.

- Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.
- Васьковский О.А., Тертышный А.Т.* Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в оценке историков). Екатеринбург, 1995.
- Венедиктов А.В.* Организация социалистической промышленности в СССР. В 2 т. Т. 1. 1917–1920 гг. М., 1957.
- Гараев Г.Г.* Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала. Томск, 1984.
- Гимпельсон Е.Г.* Из истории строительства Советов (ноябрь 1917–июль 1918 г.) М., 1958.
- Гимпельсон Е.Г.* Рабочий класс в управлении Советским государством (1917–1920 гг.). М., 1982.
- Гимпельсон Е.Г.* Советы в годы интервенции и гражданской войны. М., 1968.
- Глаголевский А.В.* Петроградский Совет в годы гражданской войны. Л., 1982.
- Голубцов В.С.* Черная металлургия Урала в первые годы советской власти (1917–1923). М., 1975.
- История советского рабочего класса. В 6 т. Т.1. М., 1984.
- Коваленко Д.А.* Оборонная промышленность Советской России в 1918–1920 гг. М., 1970.
- Лисовский Н.К.* 1917 г. на Урале. Челябинск, 1967.
- Медушевский А.Н.* Перестройка и причины крушения СССР с позиции аналитической истории // Российская история. 2011. № 6.
- Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6.
- Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000.
- Плотников И.Ф.* Гражданская война на Урале. Энциклопедия и библиография. В 2 т. Екатеринбург, 2007.
- Потехин М.Н.* Первый совет пролетарской диктатуры. М., 1966.
- Потехин М.Н.* Петроградская трудовая коммуна. (1918–1919 гг.) Л., 1980.
- Тертышный А.Т.* Историография Советов Урала в период Октябрьской революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1918 г.) Свердловск, 1988.
- Труды Первого Всероссийского съезда советов народного хозяйства. 25 мая–4 июня 1918 г. М., 1918.
- Филоненко А.Л.* Зарождение советской системы управления промышленностью. Магнитогорск, 2000.
- Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г.* Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. М., 1977.
- Чураков Д.О.* Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917–1918 гг. М., 2004.
- Юрий Андропов (<http://www.coldwar.ru/andropov/andropov3.php>).
- Holquist P.* Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge–London, 2002.

© М. Фельдман, 2013